

Глава 9. Ни за что не пожалею

Закат окрасил край неба в великолепный розовый цвет. Лёгкие облака, словно серебристая дымка, окутывали его, и время от времени через них пролетали дикие гуси, грациозные и стремительные.

Жун Цунцзинь сидел у чайного столика, подперев голову рукой. На новой жаровне стоял каменный чайник с родниковой водой. Листья чая «Фэнхуан Даньцун» кружились в кипятке, на поверхности появлялись пузырьки размером с крабий глаз, и по комнате поплыл аромат.

Когда вошёл Жун И, он застал именно эту картину. Пар от жаровни окутывал фигуру Жун Цунцзиня, размывая его черты. Великолепный закат отражался на его прекрасном лице, придавая ему ещё больше очарования и какую-то потустороннюю, почти демоническую красоту. Янтарные глаза были чисты и прозрачны, словно отражая блеск лесного родника.

Жун И невольно нахмурился. Возможно, именно из-за своей выдающейся внешности Цунцзинь и навлек на себя столько бед.

— Брат, ты пришёл, — поднял глаза Жун Цунцзинь и указал на чайник. — Чай как раз готов.

Жун И сел с другой стороны столика, чувствуя себя не в своей тарелке. Хотя они и были родными братьями, Цунцзинь подрос и достиг брачного возраста, а потому им следовало соблюдать приличия. Он уже давно не оставался с ним наедине.

— Твой любимый «Фэнхуан Даньцун», — сказал Жун Цунцзинь, снимая чайник с огня. Прозрачный, золотистый напиток наполнил белоснежную фарфоровую чашку с цветочным узором. Комната наполнилась ароматом, подобным свежести инея под луной.

Жун И молчал. Он оглядел комнату и отметил, что обстановка во дворе Хэнчжи была изысканной, каждая книга, каждая картина отражала вкус его брата. Лишь несколько горшков со сливой мэйхуа вносили чужеродный след.

Среди них были такие редкие сорта, как «Нефритовая бабочка» и «Белоснежный павильон», а также по одному горшку «Дворцового аромата» и зелёной сливы. Форма растений была изысканной и элегантной, полной особого очарования. Удивительно, как Шестому принцу удалось найти в это время года цветущую сливу.

Жун И, разглядывая «Нефритовую бабочку» на подставке для цветов, медленно произнёс:

— Считается, что красота сливы — в её изогнутости, прямые ветви лишены изящества.

— Красота в наклоне, прямизна лишена вида; красота в редкости ветвей, густота лишена изящества... В чём виновата слива? Такова пагуба учёных мужей и художников.

— Я помню, ты всегда ненавидел эти изуродованные деревья. Торговцы калечат их ради наживы, лишая ветви сливы их гордой стати.

— У Шестого принца были добрые намерения, — смутившись, ответил Жун Цунцзинь и отвёл взгляд, не смея смотреть на брата.

Чтобы создать бонсай из сливы, нужно было обрезать центральную ветвь, чтобы добиться изогнутости, и проредить густые ветви, чтобы придать ей разрежённый вид. Но как бы изящно и утончённо ни выглядело такое дерево, оно никогда не сравнится с дикой сливой, гордо растущей в лесу и цветущей под снегом.

Императорский сад был великолепен, и ветви сливы там были тщательно подстрижены для улады глаз дворцовых обитателей. Он как-то обмолвился об этом у одного из деревьев, и Гу Чжао, должно быть, услышал лишь половину или вовсе ничего не понял, решив, что ему нравятся эти цветы, и поспешил прислать их ему.

Хотя ему и не нравились изуродованные деревья, он был тронут таким проявлением заботы со стороны Гу Чжао.

— Брат, ты ведь давно знал, что наследный принц пригласил меня во дворец не потому, что я ему приглянулся, — сменил тему Жун Цунцзинь. — А из-за Шестого принца.

Жун И потерял дар речи. На чайном подносе стояла чашка, похожая на луну, отражённую в воде, с цветком сливы на дне. Он поднял её и сделал глоток. Аромат чая наполнил рот, но на душе было горько.

После долгого молчания он, прикрыв на мгновение глаза, обвёл острым взглядом прекрасное лицо брата и хрипло произнёс:

— Это моя самая большая ошибка.

Он думал, что Шестой принц — безумец. Хотя он и не знал, откуда у того появилась симпатия к Жун Цунцзиню, но безумцы забывчивы, а Жун Цунцзинь всегда был холоден и неприступен. Пара отказов — и Шестой принц отступится и вернётся в свой дворец Цзиньюнь играть в грязь.

Он не видел причин отказывать наследному принцу из-за такой мелочи. Но он не учёл, что Шестой принц с первого взгляда влюбится в Жун Цунцзиня.

Увидев дары от императрицы, Жун И уже тогда почувствовал, как душа уходит в пятки. Он предчувствовал, что если не разрешить эту ситуацию должным образом, это станет его вечным сожалением.

В комнате воцарилась тишина. Жун И провёл пальцами по краю чашки. Спустя долгое время

его растерянный взгляд стал твёрдым.

— Цунцзинь, возвращайся в Поместье маркиза Динъюань в Дяньнани, — внезапно сказал он.

— Брат, ты шутишь, — удивился Жун Цунцзинь.

— Сейчас наследный принц нуждается в поддержке рода Динъюань. Хоть ты и пойдёшь против его воли, он не станет из-за тебя враждовать с нашей семьёй. Через несколько дней всё уляжется, — рассудительно произнёс Жун И, обдумавший это уже не раз. — В Дяньнани у нас повсюду друзья и родственники. Отец напишет письмо, и мы подберём тебе хорошую партию.

— Горы в Дяньнани высоки, а воды далеки. Хоть там и не так богато, как в столице, но зато свободно... И тебе не придётся смотреть на эти изуродованные сливы, — добавил он после паузы.

Жун Цунцзинь никогда не был из тех, кто позволит себя сломить и загнать в рамки.

— А что будет потом? Род Динъюань уже присягнул наследному принцу. Когда он... сведёт счёты за сегодняшнее, что будет с нашей семьёй? — возразил Жун Цунцзинь. — А твоё будущее?

Он знал, что Жун И осторожен и, прежде чем завести с ним важный разговор, выпроводит всех из двора Хэнчжи, поэтому говорил прямо.

— Брат, ты служишь телохранителем у наследного принца уже два года, а всё ещё всего лишь капитан.

— Наследный принц талантлив в управлении государством и умеет ценить достойных. Сейчас в династии Цинь не хватает полководцев. Тебе не стоит беспокоиться о нашей семье, — уклончиво ответил Жун И.

Жун Цунцзинь сразу понял, что он имеет в виду. Сейчас, когда тюрки жадно поглядывали на их земли, а Когурё проявляло беспокойство, даже всегда дружественный Тибет воспользовался случаем и захватил обширные плодородные земли династии Цинь. Дань от вассальных государств, таких как Малый Болюй, Хэйшуй Мохэ и Сумо Мохэ, с каждым годом становилась всё скуднее. А старый император, погрязший в разврате и роскоши, был слаб и бездарен. Наследный принц, видя всё это, давно уже сгорал от нетерпения. Как только произойдёт смена власти, неважно, какие личные отношения были у рода Динъюань с наследным принцем и оскорбили ли они его отказом в браке с Шестым принцем, — это всё мелочи.

Род Динъюань всё равно будет востребован.

— Брат, зачем обманывать самого себя? Мы переехали из Дяньнани всего несколько лет назад

и не входим в число доверенных лиц наследного принца. Если мы пойдём против его воли, то, когда птицы будут перебиты, лук уберут в сторону. Род Динъюань ждёт печальный конец, — со вздохом сказал Жун Цунцзинь, опустив глаза.

Верный вассал не служит двум господам. Если род Динъюань, присягнув наследному принцу, станет действовать ему наперекор, то с жестокостью и решительностью наследного принца их ждёт неминуемая гибель.

— Неужели я должен смотреть, как ты прыгаешь в огненную яму? — с горечью воскликнул Жун И, чувствуя, как в груди разгорается пожар.

Аромат чая постепенно улетучивался. Жун Цунцзинь заварил ещё две чашки. Держа каменный чайник, он слегка выпрямил плечи и, протянув руку через инкрустированный золотом столик, налил чаю брату.

— Что у тебя с плечом? — Аромат чая ослаб, и Жун И уловил запах лекарственной мази. Его острый взгляд скользнул по плечу брата и заметил рану.

— Просто поцарапался, — инстинктивно прикрыл плечо рукой Жун Цунцзинь.

Жун И тремя пальцами схватил его за тонкое запястье и резко потянул к себе.

Дзинь!

Фарфоровая чашка разлетелась на мелкие осколки. Золотистый чай пролился на столик. Воротник халата распахнулся, и на белоснежной, нежной коже открылась большая ссадина. Рана была покрыта тонким слоем прохладной мази, и краснота уже почти спала, но всё равно выглядела шокирующе, словно изъян на безупречном нефрите.

— Это он тебя?! — взволнованно спросил Жун И.

— Я сам был неосторожен, — поспешно попытался объяснить Жун Цунцзинь, поправляя воротник.

Жун И не верил ни единому слову. Безумцы не знают меры. Хотя Шестой принц и не обучался боевым искусствам, он был взрослым мужчиной, и его силы нельзя было недооценивать. Неосторожное движение могло причинить невообразимый вред.

Даже если в этот раз Шестой принц сделал это ненамеренно, что если Жун Цунцзинь действительно выйдет за него замуж? Если безумец в припадке ярости станет его избивать, неужели он сможет ворваться в княжескую резиденцию и наказать принца?

Подданный не может поднять руку на господина, таков порядок.

— Тебе не повезло, ты недостойн Шестого принца и готов найти простого мужа в Дяньнани. Наследный принц не станет наказывать нашу семью за это, — решительно произнёс Жун И, медленно разжимая пальцы. На тонком запястье Жун Цунцзиня уже проступили следы его хватки.

— Два пути: либо выходи замуж за господина Юй, либо возвращайся в Поместье маркиза Динъюань в Дяньнани. Выбирай сам. Не обращай внимания на наследного принца, — твёрдо сказал Жун И.

— Брат, эти слова говорит представитель рода Динъюань или мой родной брат? — помолчав, спросил Жун Цунцзинь.

Жун И знал, что самое разумное решение — поблагодарить небеса за милость и с радостью выдать Жун Цунцзиня замуж за Шестого принца.

Если смотреть только на статус и положение Шестого принца, то этот брак был для них большой честью.

Но ведь Шестой принц — безумец. Жун Цунцзинь был в самом расцвете сил, как он мог провести остаток жизни рядом с безумным принцем?

— Брат — старший сын маркиза Динъюань, будущий наследник. На твоих плечах лежит ответственность за жизнь всей семьи. Брат должен думать о благе рода, — убеждал его Жун Цунцзинь. Он давно заметил, что Жун И слишком прямолинеен и консервативен. С таким характером ему будет трудно выжить в бурных придворных интригах.

— Я не стану карабкаться наверх по твоим костям. Если я причиню тебе вред, зачем мне тогда высокий чин? — хрипло ответил Жун И.

— Откуда брат знает, что я не делаю это по своей воле? — с лёгким румянцем на щеках, словно лепестки персика, искренне произнёс Жун Цунцзинь.

— Ты любишь его или делаешь это ради семьи? — холодно усмехнулся Жун И, задавая тот же вопрос.

— Это... — Жун Цунцзинь на мгновение замялся. Искренние чувства и выгода переплелись так тесно, что их было не разделить. В прошлой жизни он делал это ради семьи, но сейчас он хотел лишь защитить Гу Чжао в этом смутном мире и провести с ним остаток жизни.

— Только самые никчёмные люди полагаются на брак своих родных, чтобы проложить себе путь наверх, — спокойно сказал Жун И.

Он много размышлял об этом. Он несколько раз встречал Шестого принца. Тот хоть и был глуповат, но не вызывал отвращения, просто его развитие замедлилось.

И всё же, как Шестой принц — он был приемлем, но как муж Жун Цунцзиня, как человек, с которым ему предстояло делить ложе, — Жун И был категорически против.

Когда Жун Цунцзинь наливал ему чай, Жун И заметил на его белоснежном запястье золотой браслет.

— Тебе нравится этот браслет или тот, кто его подарил? — спросил он.

— Боюсь, ни то, ни другое. Просто милость небес, от которой нельзя отказаться, — ответил Жун Цунцзинь.

— Брат знает мой характер, — не стал отрицать Жун Цунцзинь. Он отставил чашку и, посмотрев прямо на Жун И, серьёзно сказал: — Господин Юй хоть и мой жених, но для меня он чужой человек, и я никогда не питал к нему чувств.

— Но сегодня в императорском саду я встретил Шестого принца. Я никогда не встречал такого искреннего и чистого человека, — он коснулся золотого браслета на запястье и тихо добавил: — Он... мне очень нравится.

Жун И не выдержал:

— Да потому что он безумец!

— И что с того? В этом мире слишком много тех, кто считает себя умными. Они всю жизнь суетятся, но давно забыли, к чему стремились вначале. Гу Чжао другой, — тихо сказал Жун Цунцзинь. — Мне всё равно, что он слаб умом. Я готов выйти за него замуж и провести с ним всю жизнь.

Жун И был ошеломлён. Хотя в последние годы из-за придворного этикета они не были так близки, как раньше, он всё ещё знал своего брата лучше всех. Видя спокойный тон и ясный взгляд Жун Цунцзиня, он понял, что в его словах нет ни капли лжи.

Его брат всегда был горд и высокомерен, даже такого таланта, как господин Юй, не ставил ни во что. И надо же, влюбился в безумца.

— Ты не пожалеешь? — услышал он свой собственный голос.

— Ни за что не пожалею, — с улыбкой ответил Жун Цунцзинь.

На следующий день, окончив свой отпуск, Жун И отправил весточку в Восточный дворец.

<http://bllate.org/book/13698/1582399>